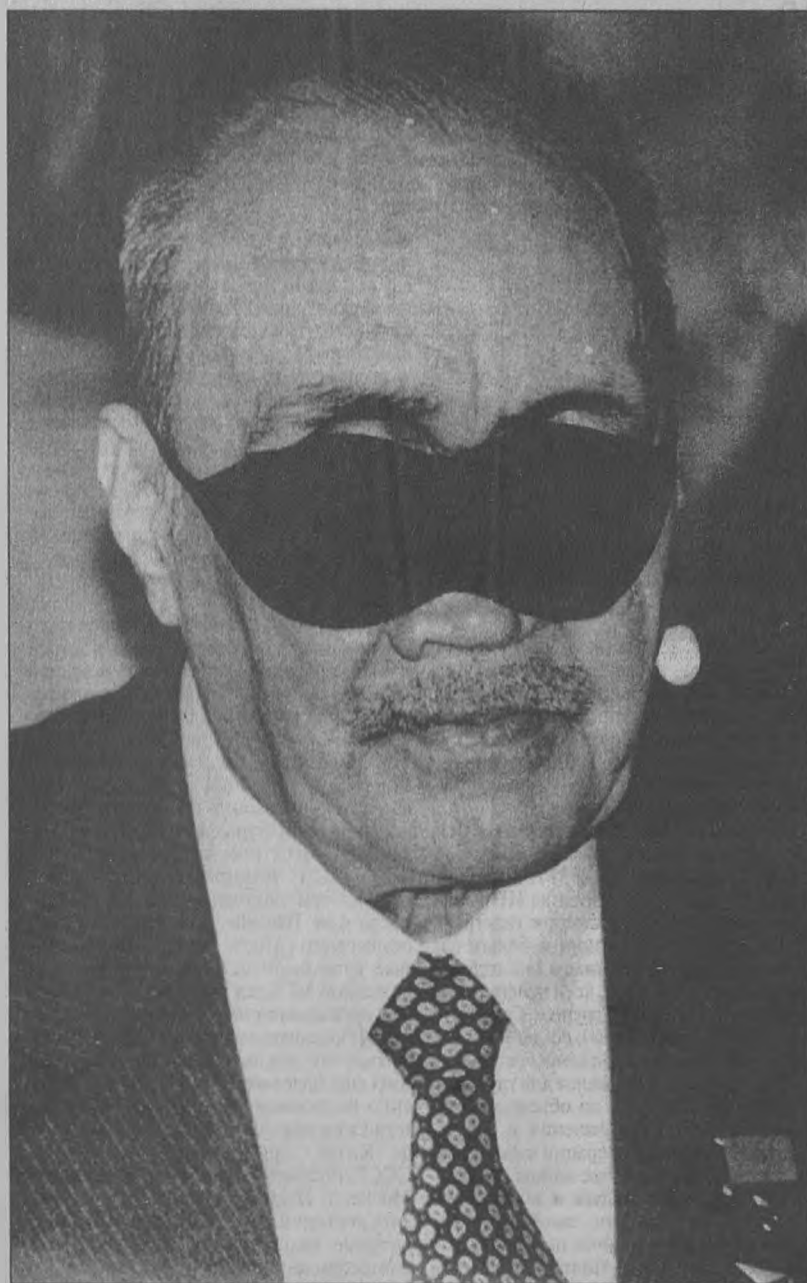

ХАРАКТЕРЫ

ВНУК
РАХМЕТОВА

Эдуард Асадов — поэт сугубо комсомольский

Эдуард Асадов.
Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

Глеб Давыдов

КАК ВЫ СТАЛИ поэтом? С чего все началось?

— Началось с детства. Я стихи пишу с восьми лет. Дело в том, что я как бы наследую то, что досталось мне от моего деда Ивана Калустовича Курдова. Мой дедушка был — я его в шутку называл историческим дедушкой — два года секретарем Николая Гавриловича Чернышевского. Когда Чернышевский вернулся из виллойской ссылки в Астрахань и ему нужна была помощь секретаря, ему порекомендовали моего дедушку, который тогда еще был совсем юношей. Он был влюблен в Чернышевского, восхищался его мыслями, взглядами... Мой дедушка всегда был очень строг, суров, он никогда не позволял никому приносить себе никаких подношений, никогда не лгал, никогда не повышал голоса, все делал только для работы, для дела, не признавал рукопожатий, короче говоря, это был очень волевой человек, человек без недостатков, с которым было даже страшновато: он все делал правильно.

— То есть он подражал Рахметову?

— Я думаю, что когда-то в юности он влюбился в образ Рахметова и не заметил, как этот образ стал его собственным. Он с годами как бы перевоплотился в этот образ. И всю жизнь, не подражая специально, был по взглядам, мыслям, характеру, поведению живой Рахметов. И он мне много дал в смысле характера.

Мой дед был знаком не только с Чернышевским, он еще был знаком с Володиным Ульяновым. Он с ним встретился в Казани, в университете. Вместе они там занимались организацией нелегальных студенческих библиотек. У дедушки была интересная судьба. Он научил меня быть правдивым, порядочным, честным и т.д. Это все потом мне в жизни понадобилось.

— По политическим взглядам вы остаетесь коммунистом?

— Дело не в том, коммунист или не коммунист, а в том, что человек исповедует. У нас в стране были тоже не самые правильные политические позиции. У нас говорили, что мы идем к вершинам коммунизма. Я не верю в коммунизм. Вот идея социализма мне понятна: от каждого по способности — каждому по труду. А «от каждого по способности — каждому по потребности» — этого я понять не в состоянии. Как это может быть? Что же, все женщины захотят иметь норковые шубы, все захотят есть черную икру, все захотят иметь большие квартиры? Где же нам взять такие ресурсы? Мне на это отвечали довольно загадочно: что люди будут ко времени коммунизма такие сознательные, что они сами не захотят больше того, что им нужно. Это, конечно, утопия и глупость. «От каждого по способности — каждому по труду» — это справедливо.

Вот у нас сейчас эти так называемые новые русские, что, они по труду получают, что ли? Черта с два. Эти огромные капиталы честным трудом нажить нельзя. Я знаю, что честный человек может заработать столько, сколько может заработать человек. Миллиарды долларов — это можно заработать по способности? Я такие способности себе не представляю. За свой труд человек не может получить такие баснословные деньги.

— С кем из литераторов вы были друзьями?

— Когда я учился в Литературном институте, у меня появились друзья-литераторы. В литературе у меня был друг — поэт Василий Федоров, потом я дружил с Владимиром Солоухиным, Николаем Доризо, Игорем Кобзевым. Но вот какая штука произошла: пока все было благополучно — были товарищи, были друзья. Но у меня случилась беда, случилось большое горе — ушла из жизни жена, с которой я прожил 36 лет, Галина Валентиновна Асадова, спеническое имя Галина Разумовская, мастер художественного слова, актриса. Когда я остался один — это был очень тяжелый удар для меня, — то литературные мои друзья отделились общими словами, выражали соболезнования, говорили «не падай духом» — и все, исчезали. А на первый план выдвинулись совсем другие люди — военные люди, от которых я этого даже и не ждал.

Как-то так получилось, что всегда ко мне приходили на выручку, на помощь генералы. Ну генерал — тоже вчерашний солдат. Когда я был ранен, то на звание Героя Советского Союза подали наградной лист четыре генерала — Иван Семенович Стрельбицкий, Вениамин Митрофанович Добников, Сергеев и Черешнюк. Их уже нет на свете никого.

А потом пришли ко мне на помощь еще четыре генерала. Самый главный из них, с которым я дружу уже около 30 лет, — это Виктор Петрович Чибисов. Он сейчас зам. префекта Одинцовского района, он там как бы военный министр — там ведь много военных частей, в Одинцово. Затем начальник Института пограничных войск в Голицыно Юрий Алексеевич Коровенко, Борис Евгеньевич Сергеев и начальник Главного госпиталя пограничных войск Александр Прокофьевич Горячевский. Они все время были рядом и до сих пор рядом со мной, эти четыре генерала.

И еще четыре генерала — видите, как проявилась судьба! Бордожа Николай Николаевич, который был сначала директором Федеральной службы пограничных войск, потом председателем Совета безопасности, потом председателем Таможенного комитета, а сейчас работает в Министерстве иностранных дел, будет послом в одной из западных держав. Второй генерал, замечательный человек, прекраснейший, который встал на его место, — это директор Федеральной службы пограничных войск, главный, так сказать, пограничник страны Тошкй Константин Васильевич — тоже генерал.

полковник. Его помощник — тоже генерал-полковник (смеется) — это Крутилик Владимир Михайлович. И еще четвертый генерал — Заборовский Владимир Иванович. Как раз вчера мы чествовали Николая Николаевича Бордожу — ему исполнилось 50 лет. Там был и Примаков Евгений Максимович...

— Вы знакомы с Примаковым?

— Он ко мне подошел. Это 22 октября было. Подошел, сказал, что он ко мне очень хорошо относится как к поэту, как к фронтовику. Даже назвал меня героем. И предложил: в честь нашего знакомства давайте выпьем по глоточку. Мы с ним чокнулись. И с ним подошел ко мне губернатор Приморского края Наздратенко. И с ним мы тоже познакомились и подняли бокалы. Я считаю, это очень серьезные и активные люди, я их очень уважаю. И Примакова — он все-таки зарекомендовал себя очень хорошо, — и Наздратенко. И вот мы там, во Дворце культуры пограничных войск, отмечали пятидесятилетие. Очень красиво, очень торжественно все там было. Там было много народа...

— Вы проголодаете за Примакова?

— Наверное. Я еще пока о выборах не думал. Честно говоря, я еще пока не настроен ни на какие выборы. Я настроен на то, чтобы писать, работать. Так что я вам не могу сказать, как я поведу себя в кабинке для голосования. Ну просто мне было приятно, что он подошел ко мне с такими теплыми словами. Я всегда его уважал как политического деятеля, как личность...

— У вас есть стихотворение «Я поэт сугубо комсомольский».

— Комсомол был прекраснейшей организацией. В основе этой организации лежала прекраснейшая идея — объединить молодежные силы для каких-то высоких идеалов. Когда, например, я получил комсомольский билет, в 1938 году, я летел домой просто как на крыльях — счастливый-счастливый. Но, к сожалению, комсомол потом превратился в какую-то бюрократическую организацию, лишенную своих возможностей и прав. Она была просто придатком к партии, и это было очень горько и очень грустно, потому что, по идее, она должна была быть самостоятельной молодежной организацией, которая борется за справедливость, за совесть, занимается культурой, спортом и т.д. Но то, что превратился комсомол, меня, конечно, очень огорчало, и я до сих пор жалею, что вот так с комсомолом получилось. Может быть, комсомол еще возродится. И, смотрите, комсомола сейчас нет, но на его месте ничего нет, никакой альтернативы.

— Вы были одним из духовных лидеров комсомолец. Какие чувства вы испытывали по этому поводу?

— Я чувствовал на себе всегда большую ответственность за то, что скажу, напишу и сделаю. Вы знаете, я очень горжусь тем, что у меня нет ни одной строки, в которой бы я солгал. Ни од-

ной. За каждую свою строку — удачная она, не удачная, все равно — за каждую из них я несу полную ответственность и сегодня. Поэтому я никогда не был перевертышем. Мне было не очень приятно, когда кто-то из моих товарищей перевертывался. Тот же Владимир Солоухин. У него были стихи когда-то в молодости — назывались «Это было в двадцатом», — посвященные приезду Герберта Уэллса к Ленину. О Ленине он писал очень горячие и взволнованные строчки, а потом, когда наступили вот эти новые времена, когда перекройка вся эта пошла, он стал поносить Ленина последними словами, издевался над его образом и т.д. Это же была полная перемена взглядов. Я эти вещи не очень-то хорошо понимаю.

— Есть ли кто-нибудь, кто принял участие в вашей поэтической судьбе, в вашей карьере, если можно так сказать, поэт?

— Первым поэтом, который вдохнул в меня веру в себя, был, как ни странно, детский писатель Корней Иванович Чуковский. Когда я лежал в госпитале, мне было важно узнать, стоят мои стихи чего-нибудь или не стоят. И вот я написал письмо Корнею Ивановичу... Почему я написал ему? Потому что перед этим я прочитал статью, которую Корней Чуковский написал по поводу переводов Анны Радловой из Шекспира. Он от этой Анны Радловой оставил только прическу и туфли, больше ничего, он ее всю вдребезги разбил за эти переводы. И я понял, раз он такой злой, суровый критик, то он не будет меня шадить, скажет мне чистую правду. И я написал ему письмо и послал тетрадку своих стихов, из госпиталя, лежа на госпитальной койке еще, между операциями. И он, спасибо ему, прислал мне ответ, в котором написал, что, мол, дорогой Эдуард Аркадьевич — мне так было смешно: какой я Эдуард Аркадьевич, когда мне было 20 лет, еще мальчишка был, — я прочел ваши стихи, я никогда не лгал в оценке произведений, не буду лгать и сейчас. И дальше он мои стихи разносит буквально в шепки. Все разнес в пух и прах. Но в

конце была приписка, такая концовка: «И все-таки, несмотря на все сказанное выше, я с полной ответственностью хочу вам сказать, что вы — истинный поэт, ибо у вас есть то поэтическое дыхание, которое присуще только поэту. Желаю успехов. Корней Чуковский». Эта приписка, она совершенно окрасила жизнь в другой цвет и свет. Конечно, это мне было очень дорого и важно. С этим напутствием я и пошел дальше.

А когда я поступил в Литературный институт в 1946 году, мне еще помогал — Чуковский передал меня с рук на руки — Сурков Алексей Александрович. Он тогда был главным редактором журнала «Огонек». Чуковский давал мне указания, советы, а потом говорит: «Я уже практически вам помочь не могу. Вам нужен поэт, который может напечатать ваши стихи. Это может сделать Сурков». Сурков тоже со мной долго возился, читал мои стихи, правил, советы давал, но, в конце концов, он впервые меня напечатал. Это было 1 мая 1948 года...

— А с Литературным институтом какие яркие эпизоды вашей жизни связаны?

— Когда я пришел в институт, на меня смотрели с некоторым подозрением. Думали, что я пришел не потому, что у меня есть творческое призвание поэта от рождения, а потому, что я был ранен и поэтому решил заняться литературным трудом. И вот я каждый день, каждый час как бы всем своим творчеством, работой, жизнью доказывал то, что это все — моя жизнь, моя дорога, мое призвание. Когда был объявлен всесоюзный конкурс на лучшее стихотворение — если я не ошибаюсь, в 1948 или в 1949 году, — в нем участвовали все наши лучшие тогда студенты-поэты — и Солоухин, и Ваншенкин, и Кобзев, и Федоров, и Гамзатов. Там была очень суровая комиссия во главе с поэтом Павлом Антокольским, в нее входили и Луговской, и Казин, и Голодный. И вот первое место получил Эдуард Асадов. Это было для меня очень важное событие — оказаться не только достойным учиться в институте, а первым среди всех. Вторую премию получил Владимир Солоухин, третью — Константин Ваншенкин. ■

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Эдуард Аркадьевич Асадов родился 7 сентября 1923 года в городе Мары Туркменской ССР в армянской семье. Его родители были учителями. В возрасте пяти лет лишился отца. Позже переехал вместе с матерью в Свердловск, где тогда жил его дед по матери Иван (Озанес) Калустович Курдов, в прошлом секретарь Чернышевского. В Свердловске пошел в школу, в 1938 году вступил в комсомол, закончил начальное образование в Москве в 1941 году. В первые дни войны ушел добровольцем на фронт, где прошел путь от наводчика до ко-

мандира батареи. В мае 1944 года был тяжело ранен в боях за освобождение Севастополя и лишился зрения. Выйдя из госпиталя, поступил в Литературный институт имени А.М. Горького, который закончил в 1951 году, получив диплом с отличием. В том же году принят в члены КПСС и в члены Союза писателей. Тогда же в издательстве «Молодая гвардия» вышла его первая книга стихов «Светлые дороги». В разное время работал литконсультантом в «Литературной газете», журналах «Огонек» и «Молодая гвардия», в издательстве «Молодая гвардия». Ныне продолжает активно писать стихи и прозу, которые публикует в издательствах «Славянский диалог», «Эксмо» и «Русская книга».